

А.А. Ткачев

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: sever626@mail.ru

«ДЛИННЫЙ» КУРГАН МОГИЛЬНИКА МЕНОВНОЕ VI

Материалы предмонгольского времени на территории Казахстанского Прииртышья связаны с функционированием кимако-кипчакского протогосударственного образования, существовавшего в конце I — начале II тыс. н.э. Вследствие кочевого образа жизни данных этнических групп их памятники представляют собой курганные могильники, основная часть которых включает «цепочки» отдельных погребальных конструкций, вытянутых в меридиональном направлении. Наиболее интересными погребальными объектами являются «длинные» курганы, обычно замыкающие систему поминальных сооружений в северном или южном секторе могильника. К характерным особенностям данных объектов относится наличие под общей насыпью нескольких пристроенных оград, развитие которых шло в меридиональном направлении, а также захоронения детей и подростков, практически не известные в индивидуальных кимако-кипчакских погребальных комплексах. В статье охарактеризованы материалы «длинного» кургана могильника Меновное VI, отражающие финальную фазу существования кимако-кипчакского племенного объединения.

Ключевые слова: Казахстанское Прииртышье, эпоха средневековья, кипчаки, «длинный» курган, погребальный обряд, вещевой инвентарь.

Введение

Рубеж I–II тыс. н.э. является важным периодом в истории Урало-Казахстанских степей, на восточной окраине которых складывается и развивается кимако-кипчакское племенное объединение. Его исследование имеет принципиальное значение для понимания сложных этнокультурных и социально-политических процессов, происходивших на огромных пространствах Евразийской степи. В процессе миграции кимако-кипчакских племен на запад формируется единое культурно-политическое пространство, получившее собирательное название Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь) или «Половецкая степь», протяженностью от Днепра на западе до Алтая на востоке [Плетнева, 1958, 1990b]. Письменные источники, отражающие раннюю стадию сложения данного объединения, содержат лишь фрагментарные сведения о культурно-политической истории этих племенных образований [Кумекон, 1972]. Археологические материалы исследуемого периода представлены курганными захоронениями, разбросанными по огромным территориям степного пространства, но исходным регионом кимако-кипчакского протогосударства является степная зона Казахстанского Прииртышья и Алтая, где сосредоточена основная часть исследованных поминальных объектов.

Наиболее ярким этнокультурным признаком кимако-кипчакского объединения, наблюдаемым в погребальной обрядности на территории степной зоны Обь-Иртышья, являются «длинные» курганы, исследованные практически в каждом поминальном комплексе, свидетельствующие об изменениях, происходивших в кимако-кипчакском обществе. В их специфике прослеживается трансформация семейных отношений, отражающая процесс формирования социально-значимых групп.

Общая характеристика памятника

Погребальный комплекс Меновное VI находится в 1 км от края левобережной первой надпойменной террасы Иртыша, в центре просторной долины, ограниченной с запада, юга и востока мелкосопочником, с севера — поймой реки. Поминальные объекты занимают узкую площадку, «вытянутую» в меридиональном направлении, общей протяженностью не менее 350 м, расположенную в 1,5 км к юго-востоку от п. Меновное Таврического района Восточно-Казахстанской области (рис. 1, 1–3).

Ко времени исследования памятника на распаханном длительное время поле сохранилось 5 крупных курганов, вытянутых неправильной цепочкой по линии север — юг почти перпендикулярно кромке края террасы (рис. 1, 4). Можно допустить, что в древности между сохранившимися крупными курганами располагались небольшие погребальные конструкции, разрушенные в результате антропогенного воздействия (при распашке). Об этом свидетельствуют

«Длинный» курган могильника Меновное VI

отдельные камни, прослеживаемые на заброшенных участках бывшего поля. В 1996 г. археологической экспедицией Восточно-Казахстанского государственного университета исследованы фиксируемые на современной дневной поверхности погребальные сооружения, одно из которых относится к категории «длинных» курганов.

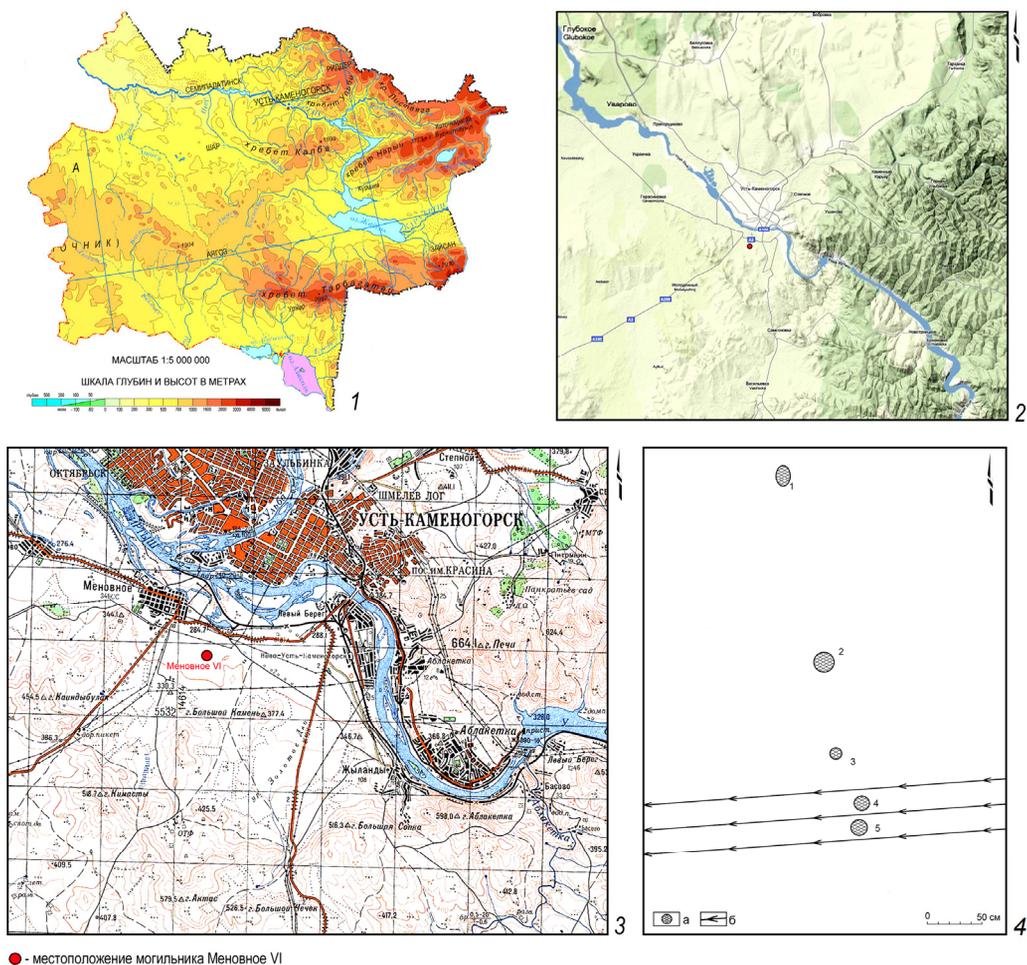

Рис. 1. Могильник Меновное VI. Местоположение (1–3) и план памятника (4):
а — исследованные курганы; б — линия электропередач.

Fig. 1. Burial ground Menovnoe VI. Location (1–3) and plan of the monument (4):
a — investigated mounds; b — line electrical wires.

Курган 1 являлся крайним северным в погребальной цепочке памятника, имел хорошо задернованную поверхность, поросшую мелким степным кустарником. Овальная насыпь кургана, размером $16 \times 8 \times 0,35$ м, вытянута по линии север — юг. В северном и южном секторах насыпи прослеживались овальные провалы. Подножие насыпи разрушено, особенно при распашке пострадала южная часть погребального сооружения. Под насыпью, сложенной коричневой гумусированной супесью с примесью мелкого щебня и небольших камней, выявлена погребальная конструкция с двумя дополнительными пристройками, сооружавшимися последовательно с севера на юг (рис. 2).

Ограда А. Основная. Подквадратной формы, размером $5,5 \times 5,5$ м, ориентирована сторонами по странам света. В центре просматривалась овальная западина, вытянутая в широтном направлении, размером $3,1 \times 2,5 \times 0,3$ м, заполненная пепельно-серой супесью. Ограда сооружена из крупных плоских камней длиной $0,4–0,8$ м, высотой $0,2–0,4$ м, уложенных на погребенную почву, сложенную светло-серой гумусированной супесью мощностью $6–8$ см. Судя по отдельным сохранившимся участкам, стенки ограждения представляли собой вертикальную кладку из уплощенных камней в 2–3 слоя, общей высотой $0,6–0,8$ м. Внутри фиксировался выкид, сложенный желто-серым суглинком, равномерно распределенным в огражденном пространстве, толщиной $0,15–0,2$ м. В ограде исследованы две могилы, содержавшие захоронения взрослого и ребенка.

Могила 1 расположена в центре огражденного пространства (рис. 2). В результате разрушения северной стенки грабительским лазом грунтовая яма приобрела вытянуто-прямоугольную форму, размер ямы 2×1,5 м, она ориентирована по линии запад — восток с небольшим отклонением к югу. Перед сооружением могилы в центре ограды предварительно срезали дерн, оконтурив площадку размером 2,5×2,1 м так, чтобы дерновый грунт не перекрывал запланированный подбой для размещения умершего.

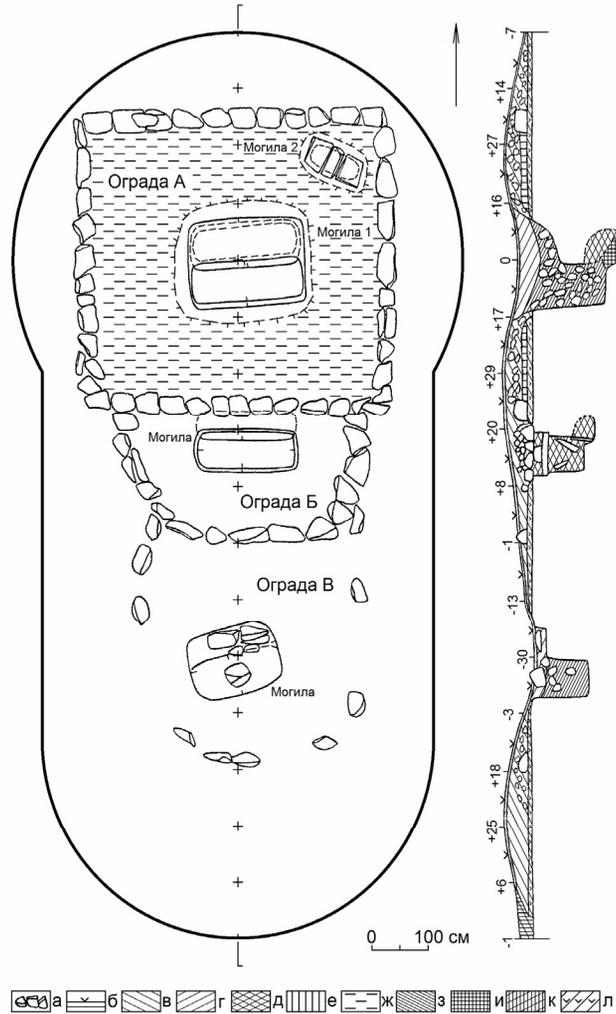

Рис. 2. Могилище Меновное VI. План и разрез кургана 1:

а — камни конструкции; б — дерн; в — пепельно-серая супесь; г — коричневая супесь; д — желто-серый гумусированный суглинок; е, ж — выброс (желто-серый суглинок); з — черная гумусированная супесь мешаный грунт (серо-коричневая супесь); и — мешаный грунт (желто-коричневый суглинок); к — распаханые участки насыпи (коричневая гумусированная супесь); л — погребенная почва (светло-серая гумусированная супесь).

Fig. 2. Burial ground Menovnoe VI. Plan and stratigraphy of the mound 1:

а — stones construction; б — sod; в — ash gray sandy loam; г — brown sandy loam; д — yellow-gray humus loam; е, ж — ejection (yellow-gray loam); з — black humus sandy loam mixed soil (gray-brown sandy loam); и — mixed soil (tan loam); к — plowed areas of the embankment (brown humus sandy loam); л — buried soil (light gray humus sandy loam).

На глубине 0,5 м вдоль северной стенки фиксировался пологий уступчик шириной до 0,7 м, образовавшийся в результате ограбления и частичного провала подбоя могилы. Судя по размерам (1,9×0,6 м) придонной части входной шахты, верхний срез ямы первоначально имел прямоугольные очертания в пределах 2×0,9 м и ориентировку по линии восток — запад с незначительным отклонением к северу. Входная часть ямы представляла собой шахту глубиной 1,3 м с почти вертикальными стенками, заполненную черной гумусированной супесью, щебнем и небольшими ломаными камнями, между которыми встречены крупные обломки гранитных и сланцевых плит от

«Длинный» курган могильника Меновное VI

разрушенного перекрытия. В средней части заполнения между камнями залежали отдельные кости собаки, останки которой, вероятно, размещались поверх каменного перекрытия могильной ямы. В придонной части входной шахты встречены разрозненные останки человека (левые кости таза и бедра), лошади и обломки железной сабли или палаша (рис. 4, 2). На дне шахты, вдоль южной стенки, находились частично сохранившиеся не потревоженные передние и задние кости ног лошади, уложенной на левый бок с подогнутыми ногами, мордой на восток (рис. 3, 1).

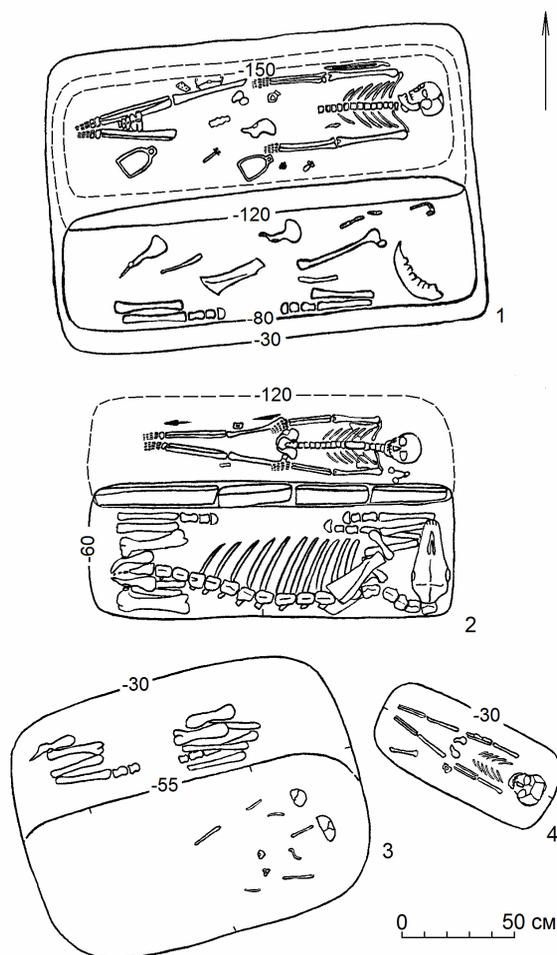

Рис. 3. Могильник Меновное VI. Курган 1:
1 — ограда А, могила 1; 2 — ограда Б, могила; 3 — ограда В, могила; 4 — ограда А, могила 2.
Fig. 3. Burial ground Menovnoe VI. Barrow 1:
1 — fence A, grave 1; 2 — fence B, the grave; 3 — fence B, grave; 4 — fence A, grave 2.

В северной стенке ямы вырублен подбой длиной 1,9 м, шириной 0,7 м, глубина от дна входной ямы 0,3 м, наибольшая высота ниши не менее 0,7 м, размеры придонной части 1,8×0,5 м. На дне подбоя обнаружены почти полностью сохранившиеся останки человека, лежавшего на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на восток. Голова погребенного слегка повернута вправо, лицом к северу, ступни ног оттянуты и плотно соединены (рис. 3, 1). При ограблении разрушена центральная часть костяка погребенного (область живота, таза и левого бедра).

На дне подбоя, у южной стенки, обнаружены железные стремена, одно располагалось в области таза (рис. 4, 1), второе — на уровне костей голени (рис. 4, 7), между ними размещались остатки железной поделки неясного назначения (рис. 4, 3), на уровне костей предплечья лежали обломки двух крепежных колец ножен (рис. 4, 4, 6). У левой стороны грудной клетки обнаружен обломок железного наконечника стрелы (рис. 4, 5), а в области таза — бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 5, 4). На костях голени погребенного была размещена курдючная часть барана. У северной стенки подбоя, возле бедра правой ноги, зафиксированы частично сохранившиеся железные удила (рис. 5, 6) и обломок костяной накладки (рис. 5, 12). Вдоль предпле-

чья правой руки, у северной стенки подбоя, лежал железный боевой нож с деревянной рукоятью (рис. 5, 7), помещенный в деревянные ножны, обтянутые черной кожей, украшенные с внешней стороны двумя костяными накладками (рис. 5, 8, 11).

Могила 2 расположена в северо-восточном углу ограды (рис. 2), сооружена чуть позже основной могилы, но до перекрытия конструкции насыпью, она прорезает глинистый выкид, но не перекрыта им. Грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером 0,9×0,4×0,15 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Перекрыта тремя гранитными плитами размером 0,5×0,35, 0,5×0,3 и 0,5×0,35 м. На дне обнаружен плохо сохранившийся костяк ребенка 3–5 лет, лежавшего на спине, в вытянутом положении, головой на юго-восток (рис. 3, 4). В ногах, в юго-западном углу ямы, лежала бедренная кость барана. На костях предплечья правой руки находилась бронзовая подвеска-амулет, привязанная, скорее всего, к запястью ребенка (рис. 5, 1), в области кисти левой руки был размещен астрагал с просверленным отверстием (рис. 5, 5).

Ограда Б. Пристроена к южной стенке основной ограды и до вскрытия насыпи на современной дневной поверхности не прослеживалась. Имела подовальную форму, размер 4,5×2,5 м и ориентировку по линии запад — восток. Сооружена из неровных ломаных камней длиной 0,3–0,5 м, высотой 0,2–0,3 м, уложенных в один ряд на погребенную почву. В центре огражденного пространства располагалась грунтовая яма, смещенная в северный сектор ограждения (рис. 2).

Внутри огражденного пространства выбросы материкового грунта не фиксировались, что предполагает его аккуратное удаление за пределы погребальной конструкции в процессе сооружения могилы. Под насыпью, на уровне древней поверхности, надмогильная конструкция фиксировалась в виде каменной кладки из плотно уложенных крупных камней, размером 0,2–0,7 м, образующих прямоугольную выкладку размером 2,2×1,1 м, ориентированную по линии запад — восток. Северный край выкладки вплотную примыкал к южной стенке основной ограды. На уровне погребенной почвы у восточного края выкладки обнаружен плоский зеленоватый камень с выбитой на нем литерой «С» (рис. 6).

Под наброской оконтурена грунтовая яма размером 1,8×0,7 м, вытянутая в широтном направлении. В яме зафиксирован второй уровень перекрытия из трех гранитных плит (0,5×0,4×0,15; 0,6×0,4×0,15; 0,7×0,6×0,15 м), уложенных вдоль центральной оси могильной ямы. Ниже располагался третий уровень перекрытия, состоящий из трех гранитных плит, размером 0,4×0,7; 0,6×0,7 и 0,8×0,65 м. Ниже находился четвертый ряд перекрытия, состоящий из трех плит размером 0,7×0,6; 0,7×0,5 и 0,7×0,7 м, треснувших и слегка запавших вовнутрь могильного пространства. Нижний ряд перекрытия опирался на уступчики шириной 7–10 см, фиксируемые на глубине 30 см по всему периметру ямы. Судя по заполнению, глинистым грунтом, вынутым при сооружении могилы и аккуратно складированным за пределами погребальной площадки, пересыпались все уровни перекрытия. С течением времени он просочился вовнутрь, заполнив придонную часть погребального пространства, в результате плиты перекрытия нижнего яруса, треснув, лишь слегка запали в могильную яму.

Входная часть ямы представляла собой вертикальную шахту глубиной 0,9 м от уровня материка и 0,6 м от уровня уступчиков. На дне шахты лежал изогнутый костяк лошади с подогнутыми ногами — передняя часть туши на правом боку, задняя была повернута так, что согнутые в суставах ноги размещались вдоль крупа животного. Изгиб шеи позволяет предполагать насильственный слом во втором и пятом шейных позвонках, из-за которого череп размещен параллельно восточной стенке мордой на север, при общей ориентации костяка по линии восток-запад (рис. 3, 2).

В северной стенке вырублен подбой, размером 1,7×0,5 м, глубина от уровня дна входной ямы составила 0,2 м, высота ниши в пределах 0,4 м. Вход в подбой плотно закрывали четыре вертикально установленные гранитные плиты (0,6×0,5; 0,35×0,5; 0,4×0,5; 0,4×0,5 м), упирающиеся нижним краем в дно подбоя, верхним — в верхнюю часть ниши. На дне подбоя обнаружен костяк подростка или молодого мужчины, лежащего на спине в вытянутом положении, головой на восток. Руки прижаты к туловищу, ступни ног плотно соединены и оттянуты (рис. 3, 2). С левой стороны черепа находились железные кольчатые удила (рис. 5, 10), возле бедра правой ноги — небольшой железный нож с деревянной ручкой (рис. 5, 2), рядом с коленным суставом правой ноги лежал астрагал, возле колена левой ноги — небольшая косточка, вероятно, принадлежащая мелкому рогатому скоту. У основания голени правой ноги находился железный наконечник стрелы (рис. 5, 9).

«Длинный» курган могильника Меновное VI

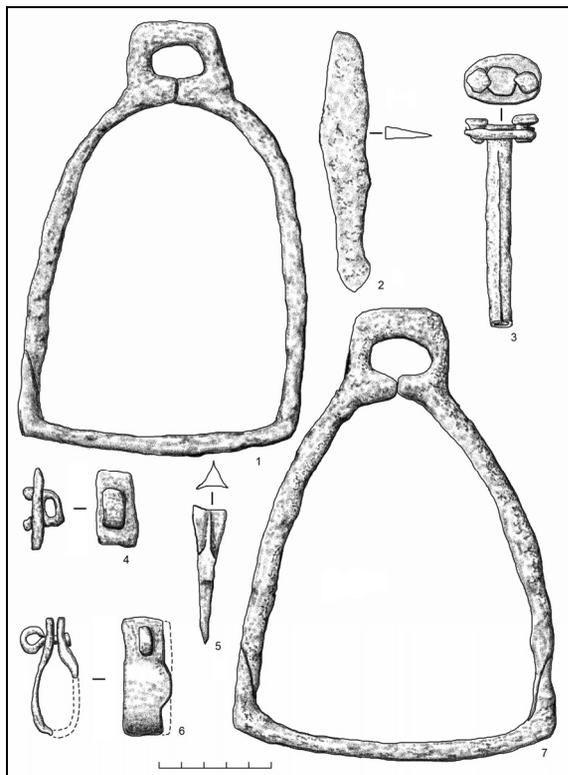

Рис. 4. Могильник Меновное VI. Курган 1, ограда А, могила 1. Изделия из железа.
Fig. 4. Burial ground Menovnoe VI. Barrow 1, fence A, grave 1. Iron artifact.

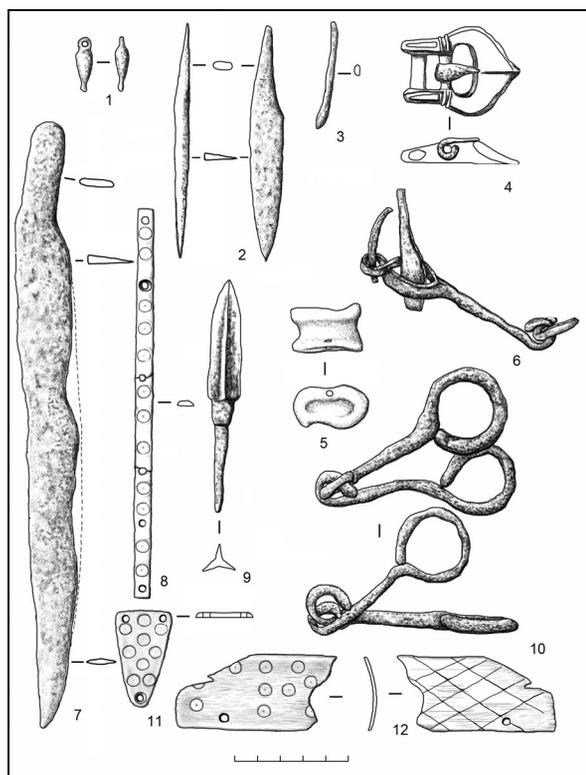

Рис. 5. Могильник Меновное VI. Курган 1.

Вещевой инвентарь:

1, 5 — ограда А, могила 2; 2, 9, 10 — ограда Б, могила;
3 — ограда В, могила; 4, 6–8, 11, 12 — ограда А, могила 1:
1 — бронза; 2, 3, 6, 7, 9, 10 — железо; 4 — бронза-железо;
5, 8, 11, 12 — кость.

Fig. 5. Burial ground Menovnoe VI. Barrow 1.

Detected artifacts.

1, 5 — fence A, grave 2; 2, 9, 10 — fence B, grave; 3 — fence B,
grave; 4, 6–8, 11, 12 — fence A, grave 1: 1 — bronze;
2, 3, 6, 7, 9, 10 — iron; 4 — bronze-iron; 5, 8, 11, 12 — bone.

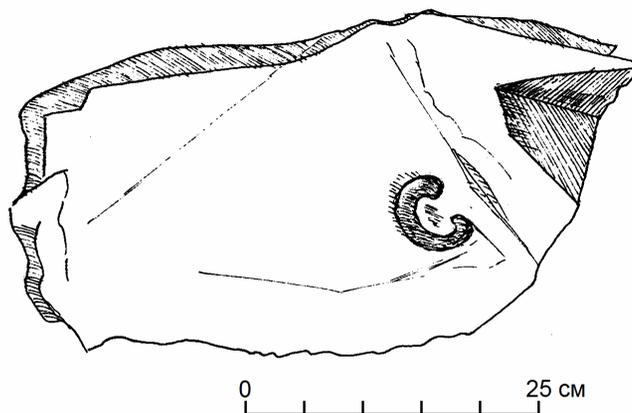

Рис. 6. Могильник Меновное VI. Курган 1Б. Насыпь. Каменная плитка.

Fig. 6. Burial ground Menovnoe VI. Barrow 1B. The mound. Stone tiles.

Ограда В. Пристроена к южной стенке ограды Б. На современной дневной поверхности фиксировалась округлая западина, диаметром 2,5 м, глубиной 0,5 м, заполненная пепельно-серой супесью. Ограда сохранилась в виде отдельных камней, уложенных на погребенную почву. Реконструируется округлая конструкция диаметром около 4 м. В центре огражденного про-

странства располагалась грунтовая яма, смещенная в юго-западный сектор ограждения. Во внутреннем пространстве выбросы глины не прослеживались, что предполагает аккуратное удаление грунта за пределы погребальной площадки в процессе сооружения могилы (рис. 2).

Могильная яма имела прямоугольную форму с закругленными углами, размер 1,6×1,2 м, ориентирована по линии северо-восток — юго-запад (рис. 3, 3). В верхней части заполнения встречены куски ломаного камня и крупная окатанная глыба, диаметром около 0,5 м. Под обломками гранитных плит, вдоль северной стенки ямы на глубине 0,25 м, прослеживался уступчик шириной 0,5 м, на котором располагались частично сохранившиеся останки лошади, лежавшей на левом боку с подогнутыми ногами, прижатыми к животу, головой на северо-восток. Ниже уступчика яма, заполненная черной гумусированной супесью, приобрела подовальные очертания, размер 1,6×0,7×0,75 м при сохранении ориентировки по линии северо-восток — юго-запад. Общая глубина ямы от уровня материка составляет около 1 м. Вертикальные стенки переходят в относительно ровное дно, на котором находились разрозненные останки подростка и обломок железного стержня (рис. 5, 3).

Особенности погребального обряда

Исследованный «длинный» курган, в отличие от остальных сооружений могильника, содержал квадратную ограду с двумя овальными пристройками и характеризовался общим развитием поминального комплекса с севера на юг. По способу сооружения выделяются две разновидности оград: основная сложена из прямоугольных каменных и гранитных блоков, уложенных в 2–3 слоя на древнюю дневную поверхность, нижний ряд состоит из плотно подогнанных крупных уплощенных камней, верхние ряды — из более мелких не столь тщательно подобранных камней и плит, высота кладки варьировалась от 0,4 до 0,8 м; пристройки сооружены из средних и крупных камней аморфно-прямоугольной формы, уложенных менее плотно в один ряд на древнюю дневную поверхность. Основная ограда имеет квадратную форму (размеры 5–9×5–9 м), ориентирована стенками по сторонам света. Пристройки имеют форму полуовала (огр. 1Б) или незавершенной окружности (огр. 1В), диаметр 4–4,5 м.

В основной ограде кургана отмечены следы поминального приношения — погребенного мужчину сопровождала собака, размещенная на каменном перекрытии могилы. Аналогичное захоронение мужчины в сопровождении собаки отмечено в Зевакинском могильнике, ее порода определена как среднеазиатская борзая «тазы» [Арсланова, 2013, с. 30, 64]. Захоронения «длинного» кургана могут рассматриваться как принадлежащие одной семье или семейной группе. Об этом свидетельствуют разновозрастные захоронения (взрослый и молодой мужчина, подросток мужского пола и ребенок), тогда как остальные сооружения могильника содержали индивидуальные захоронения, мужчин (кург. 2, 4, 5) и женщины (кург. 3).

Исследовано четыре захоронения. Три из них располагались в центре огражденного пространства, и только захоронение ребенка находилось в углу ограды, сопровождая погребение взрослого мужчины. Во всех исследованных конструкциях первоначально сооружалась ограда, камни которой размещались поверх погребенной почвы, затем в центре удалялся дерн, образуя очищенную до материка площадку прямоугольной формы. Выброс из могилы, расположенной в основной ограде, аккуратно укладывался поверх погребенной почвы, перекрывая всю внутреннюю поверхность огражденного пространства. В пристройках глиняный грунт удаляли за пределы огражденного пространства (кург. 1В), но в одном случае удаленный грунт использовали в процессе захоронения для уплотнения перекрытия, забивая щели и засыпая пространство между плитами перекрытия (кург. 1Б).

После захоронения могильные конструкции перекрывались в один слой гранитными и сланцевыми плитами, поверх которых, судя по непо потревоженной могиле, исследованной в ограде Б, сооружали прямоугольную вымостку из камней средних размеров, под ней прослежено три слоя горизонтально уложенных плит.

После совершения обряда захоронения ограда и могила перекрывались каменной насыпью, смешанной с коричневой супесью. В процессе ограбления плиты перекрытия могил разбивались, выворачивались или частично западали вовнутрь могильных сооружений. В результате в центре насыпей возникли округлые или овальные западины, заполненные с течением времени пепельно-серой супесью, причем образованию западин способствовало и отсутствие засыпки ям в процессе захоронения. В то же время над единственным не ограбленным захоронением углубленная западина не прослеживалась (кург. 1Б).

Захоронения размещены в грунтовых ямах, две из которых содержали подбои. Могильная яма, содержащая захоронение ребенка, небольшая (0,9×0,4×0,15 м), у подростка — средних параметров (1,6×0,7×1,0 м), могилы взрослых крупные (1,8–1,9×0,5–0,7×1,1–1,6 м). Глубина

«Длинный» курган могильника Меновное VI

входных шахт у могил, содержащих подбой, 1,3 и 0,9 м, глубина ниш 0,3 и 0,2 м, высота ниш от уровня пола составляла 0,7 и 0,4 м. Могилы вытянуты в широтном направлении с отклонениями к северу и югу. Для погребального обряда характерно индивидуальное труположение. Позу и ориентировку костяков удалось определить в трех случаях. Умершие лежали на спине в вытянутом положении, головами ориентированы на восток (взрослые), северо-восток (подросток) и юго-восток (ребенок). В основном захоронении голова погребенного повернута вправо и слегка прижата к плечу. Во всех зафиксированных случаях стопы ног оттянуты вниз.

Взрослых и подростка сопровождали лошади, что позволяет рассматривать их как лиц мужского пола. В оградах с подбоями лошадей размещали на уступчиках входной шахты, южнее захоронения человека (кург. 1А, мог. 1; кург. 1Б, мог.), при погребении подростка лошадь поместили на невысокий уступчик, располагавшийся вдоль северной стенки (кург. 1В, мог.). Останки лошади отсутствовали при захоронении ребенка, но с ним были помещены бедренная кость и астрагал с просверленным отверстием от мелкого рогатого скота. Лошади сопровождения были уложены на правый бок с притянутыми к животу ногами (огр. А, мог.); наблюдается и комбинированный способ размещения туши: передняя часть укладывалась на правый бок, задняя — развернута на живот с костями ног, располагавшимися вдоль туловища (огр. Б, мог.). Захоронения лошадей сближает между собой ориентировка в восточный сектор горизонта, сломанные в позвонках шеи и размещение голов перпендикулярно туловищу, плотно прижатые к животам согнутые в суставах ноги — кости бабок и копыт располагались на одной линии с костями голени.

Характеристика предметного комплекса

Среди сопровождающего вещевого инвентаря, обнаруженного в захоронениях, встречены предметы вооружения, воинского и конского снаряжения. Уникальным предметом является каменная плитка из зеленоватого порфирита, аморфно-прямоугольной формы, подтрапещевидного сечения, размером 48×29×3 см, с выбитым на плоской стороне близ одной из боковых граней изображением в виде литеры «С» высотой 7,5 см, шириной 5,9 см, ширина пробитой канавки около 14–15 мм, глубина 3–4 мм (рис. 6).

Предметы вооружения представлены накладкой лука, обломками меча, коленчатым ножом, наконечниками стрел, ножами.

Накладка лука представляет собой частично сохранившуюся выпукло-вогнутую костную пластинку неправильно-прямоугольной формы с обломанными краями, длина 3,8–5,8 см, ширина 3,3 см, толщина около 2 мм, глубина вогнутой части около 4 мм. Вдоль одной из длинных граней прослеживается отверстие диаметром 3 мм. С внешней стороны накладка орнаментирована циркульным узором, оформленным в виде трех неправильных линий, располагавшихся вдоль боковых граней и в центральной части, из окружностей диаметром 5 мм; с внутренней стороны нанесен резной узор в виде перекрещивающихся линий, образующих ромбическую сетку (рис. 5, 12). К сожалению, изделие разрушено и реконструировать особенности лука невозможно. Однако его накладка сопоставима с костяными накладками, используемыми для сложносоставных луков, широко распространенных в степной полосе Алтая и Прииртышья. Наличие циркульной орнаментации на внешней стороне свидетельствуют о принадлежности накладки к парадному оружию, тогда как косые перекрещивающиеся насечки на ее внутренней стороне способствовали более прочному креплению на кибиты лука, что считается характерным признаком дистанционного оружия средневековых кочевников [Гаврилова, 1965, с. 87]. Луки с боковыми накладками были широко распространены в среде носителей сроткинской культуры и кимако-кипчакских племен [Худяков, 1986, с. 181–183, рис. 80; Суворова, Ткачев, 1995, с. 257–258, рис. 4, 17–20], ведущих свое происхождение от хуннского лука с концевыми и срединными накладками [Савинов, 1981, с. 161, рис. 6]. По мнению В.А. Могильникова, луки с одной фронтальной накладкой наиболее поздние, получают распространение к концу I — началу II тыс. н.э. [2002, с. 115].

Обломок сабли или палаша представлен тремя фрагментами железного изделия длиной 10,5–12,2 см, имевшего уплощенную спинку шириной 4–5 мм и клинок треугольного сечения шириной до 2–2,5 см (рис. 4, 2). С крепежными деталями оформления ножен связаны два предмета: от одного сохранилась пластинка, размером 3,2×1,9 см, в центре которой расположена скоба, сделанная из изогнутой и раскованной в отверстиях основы пластинки шириной 0,9 см и длиной до 4 см (рис. 4, 4); от второго частично сохранилась охватывающая ножны скоба, изготовленная из согнутой пластины шириной 2,1 см, длиной не менее 6 см, толщиной до 2 мм, между сторонами свернутой пластины прослеживается овальное отверстие размером 3,4×1,6 см, концы соединены и скреплены между собой стержнем диаметром 3 мм, один конец расклепан,

второй свернут в кольцо диаметром 1,3 см (рис. 4, 6). Оружие ближнего боя — палаши и сабли являлось основным элементом вооружения средневековых конных воинов. К сожалению, в могиле 1 сохранились только фрагменты оружия, но работы на территории Верхнего Прииртышья свидетельствуют о широком использовании данного вида изделий в качестве сопровождающего инвентаря, особенно в могилах с захоронениями мужчин в сопровождении лошади. Иногда подобные изделия располагали в «оружейных ямах», содержащих индивидуальные комплексы ближнего и дистанционного боя, дополненные изделиями конской упряжи [Ткачев, Ткачева, 1999, с. 143, рис. 4]. Наиболее полно контактное оружие представлено в поминальных комплексах «длинных» курганов могильника Акчий II [Трифонов, 1987, с. 160, рис. 84, 9] и Ахмирово I [Суворова, Ткачев, 1995, с. 263, рис. 2, 22–24]. Захоронение в «длинных» курганах воинов в сопровождении оружия, лошади или сбруйного набора характерно и для других могильников кимако-кипчацкого периода Верхнего Прииртышья [Арсланова, Ермолаева, 1984; Арсланова, 1987].

Наконечники стрел — железные трехлопастные черешковые, по особенностям оформления пера сохранившегося изделия относятся к типу пятиугольных, длина пера 5,1 см, ширина 1,4–1,5 см, длина черешка 4,1–5,1 см (рис. 4, 5; 9, 9). У одного из изделий при переходе пера в черешок наблюдается дополнительное округлое утолщение диаметром 9 мм, длиной 12 мм (рис. 5, 9). Из-за разграбления определить точное количество наконечников стрел, находившихся в колчане, сопровождавшем мужчину, невозможно, но, согласно данным, полученным при изучении средневековых курганов в бассейне р. Алей, максимальное количество изделий могло достигать 9–12 шт. [Могильников, 2002, с. 108]. Согласно типологии Ю.С. Худякова [1986] и В.А. Могильникова [2002] данный тип изделий датируется в пределах конца I — начала II тыс. н.э.

Ножи представлены двумя разновидностями, которые по размерам и особенностям изготовления можно рассматривать как боевое и бытовое индивидуальные изделия:

— боевой нож, общей длиной 27,1 см, имел слабоизогнутый клинок (длина 22,6 см) с плоской спинкой (ширина 3,5 мм), треугольным сечением клинка (ширина 2,5 см), приостренное слабоизогнутое острие проковано и приострено на 5 см со стороны спинки. Овальный в сечении насад ножа имел длину 4,5 см, ширину 1,5 см, толщину 2,2 мм. По своим основным параметрам, несмотря на небольшие размеры, изделие можно отнести к саблевидному типу оружия (рис. 5, 7). Нож имел деревянную рукоять и ножны из кожи, окрашенной в черный цвет. С внешней стороны они были украшены двумя костяными накладками: первая представляла собой узкую пластину подовального сечения с плоским основанием длиной 17,4 см, шириной 8 мм, толщиной около 2 мм. Пластина с внешней стороны украшена циркульным узором из 13 окружностей диаметром около 5 мм, для закрепления ее на ножнах просверлены четыре отверстия диаметром 2,1–2,2 мм (рис. 5, 8). Основание ножен украшено накладкой подтреугольной формы с закругленными углами, где располагались три сквозных отверстия диаметром 2,3–2,5 мм, служившие для крепления. Внешняя поверхность украшена циркульным узором из девяти окружностей диаметром около 5 мм, три из них нанесены вдоль центральной оси и по три — вдоль боковых сторон изделия (рис. 5, 11). Прямых аналогов изделию неизвестно, хотя во многих средневековых культурах существуют небольшие ножи с рукоятью, оформленной под небольшим углом к лезвию. В данном случае, вероятнее всего, это реплика ножей из многочисленной серии оружия ближнего боя, у которых основа рукояти достаточно часто оформлена под углом к клинку;

— бытовой нож, длиной 10,6 см, имел выпуклую верхнюю часть и треугольный в сечении клинок длиной 6,6 см, шириной 1,4 см, толщиной около 2,5 мм, выпуклое лезвие клинка переходило в острие. Клинок со стороны лезвия плавно переходит в черешок овальной формы длиной 4 см. Наличие древесных волокон на черешке предполагает деревянную рукоять насадного типа (рис. 5, 2). Ножи аналогичной формы широко бытуют на протяжении всего средневековья, доживая до сегодняшнего дня, так как имеют наиболее рациональную форму [Плетнева, 1990а, с. 53; Колчин, 1953, с. 70–71].

Детали конской упряжи представлены стременами, обнаруженными в центральном захоронении. При общем типологическом сходстве отличаются индивидуальными размерами. Одно стремя подовальной формы, высотой 14,8 см и шириной 10,6 см, имеет плоскую слабо выпуклую подножку шириной 3,5 см; в центре проушины трапещевидной формы (4,6×3,2 см) расположено овальное отверстие размером 2,4×1,6 см (рис. 4, 1). Второе — подтреугольной формы, высотой 15,8 см и шириной 14,8 см, имеет плоскую слабо выпуклую подножку шириной 3,7 см; в центре проушины трапещевидной формы (4,6×3,6 см) расположено овальное отверстие размером 2,8×1,8 см (рис. 4, 7).

Все обнаруженные железные удила типологически относятся к трензельным изделиям разных подтипов:

«Длинный» курган могильника Меновое VI

— простые кольчатые удила изготовлены из двух округлых в сечении прутков, диаметром около 6 мм, длина одной части 9,1 см, второй — 9,4 см; диаметр соединительных колец составляет 1,6 и 1,8 см, уздечных — 3,4 и 3,8 см (рис. 5, 10);

— обломок сложносоставных удил с восьмеркообразным окончанием из прямоугольной пластины размером 7×3 мм, соединительная часть округлого сечения, диаметром около 6 мм; диаметр соединительного кольца 1,4 см; противоположные кольца подовальные (внешнее — 0,9×0,8 см, внутреннее — 2,1×1,6 см); во внутреннем кольце сохранился обломок фигурного псаля, во внешнем — обломок уздечной скобы (рис. 5, 6).

Для закрепления ремней на костюме всадника или для крепления конской сбруи могла использоваться бронзовая фигурная литая пряжка с подвижным железным «язычком», длина которой 5,2 см, ширина около 4 см, ширина насада 2,8 см, размеры переднего крепежного отверстия 2,3×1,1 см, заднего — 1,5×0,7 см. «Язычок» откован из железной пластинки длиной около 2 см и шириной до 7 см, одна сторона закручена вокруг центральной осевой основы, рабочая часть прокована и приострена (рис. 5, 4).

К уникальным изделиям можно отнести бронзовую каплевидную подвеску-амулет. Ее высота 2,4 см, максимальный диаметр около 7 мм, для подвешивания использовалась округлая петелька диаметром 5 мм с центральным отверстием в 1,5 мм (рис. 5, 1).

Функциональное назначение двух изделий не определено. Это железная клепаная трубка длиной 11,8 см, диаметром 1,4 см с толщиной стенок до 2 мм, на один конец которой был надет овальный фланец (4,2×2,9×0,5 см), закрепленный клепкой; на противоположных концах фланца располагались два расклепанных шпенька (диаметром до 7 мм), служивших для закрепления изделия на кожаном предмете и совместно перекрывавших запаянное отверстие трубки (рис. 4, 3). Второе изделие — железный стержень овального сечения (5×3 мм) длиной 4,8 см (рис. 5, 3).

В качестве детской игрушки мог использоваться астрагал мелкого рогатого скота, имевший отверстие, оформленное сверлением через боковую кромку, диаметром около 3 мм (рис. 5, 5). Аналогично оформленные изделия отмечены и в других средневековых памятниках [Трифонов, 1987, с. 146, рис. 75, 1, 3, 7, 8].

Обсуждение результатов

К настоящему времени на территориях, соотносимых с распространением кимако-кипчакских древностей, исследовано около 70 «длинных» курганов, выявленных в Гилевском (верхнее течение р. Алей) [Могильников, 2002, с. 74] и Верхнеиртышском (от Шульбинского водохранилища до устья Каменных Гор) микрорайонах. Эти территории, разделенные лишь водоразделом рек Убы и Алея, скорее всего, принадлежали двум кимако-кипчакским родоплеменным объединениям.

В бассейне р. Алей изучено 14 сооружений, что составляет около 27 % всех исследованных кимако-кипчакских курганов [Могильников, 2002, с. 74]. В Верхнем Прииртышье имеются данные о 44 погребальных конструкциях, основная часть которых изучена в 60–80-е гг. XX в. [Арсланова, 1987; Суворова, Ткачев, 1995]. Соотношение «длинных» и круглых курганов определить невозможно. Проблема заключается в том, что если алейские комплексы можно использовать для сравнительного анализа, то основной массив верхнеиртышского материала опубликован, за редким исключением, обобщенно. Наибольшую сложность вызывает использование материалов Зевакинского могильника, где исследована значительная часть длинных курганов (54,5 %), но их местоположение относительно других средневековых объектов не поддается определению¹. Если исходить из общего количества исследованных кимако-кипчакских объектов, то процентное соотношение разных типов погребальных конструкций вряд ли будет превышать данные, полученные по Гилевскому микрорайону.

¹ Зевакинский могильник исследовался в основном Ф.Х. Арслановой, опубликовавшей серию статей, посвященных данному памятнику, в которых охарактеризованы погребальные комплексы начиная от эпохи бронзы и до позднего средневековья. Для объективного изучения и определения соотношения захоронений отдельных сооружений разных эпох необходим общий план, а он отсутствует. В юбилейном издании, посвященном памяти Ф.Х. Арслановой, в разделе «Из неопубликованного» дан ситуационный план Зевакинского могильника (по С.С. Черникову), где обозначено около 250 погребальных конструкций, тогда как в тексте отмечено наличие «около 500 сооружений... на площади 2000 кв. м» [Арсланова, 2013, с. 28, рис. 1], что вряд ли возможно. В другой работе охарактеризованы две группы «длинных» курганов, «расположенные одна от другой на расстоянии 1,5 км» [Арсланова, 1985, с. 22]. Отсутствие общего плана могильника с хронологическим членением объектов разных эпох, чертежей и описаний отдельных погребальных объектов не позволяет объективно анализировать и сравнивать материалы Зевакинского могильника с другими исследованными памятниками.

В «длинных» курганах к основной ограде, обычно подквадратной формы, с северной и южной сторон делались дополнительные пристройки, имевшие разную форму и несколько меньшие размеры. В результате на завершающей стадии насыпь приобретала овальную форму, вытянутую, с небольшими отклонениями, в меридиональном направлении. В большинстве случаев количество длинных курганов в могильниках варьируется от одного-двух до трех-четырех. Как правило «длинные» курганы занимают северный или южный сектора в поминальных «цепочках», образующих могильники (Ахмирово 1, кург. 1; Меновное VI; Акчий II, кург. 1, 2). В могильнике Карашат I в одной из «цепочек» длинные курганы фиксируются в южном секторе, в другой — в северном [Трифонов, 1987, с. 177, рис. 92]. На одном памятнике «длинный» курган располагался в центральной части погребальной площадки, вокруг него находились круглые, причем более крупные насыпи (Меновное VII). Отмечен и одиночный курган без сопровождения других поминальных сооружений (Меновное XIII). В Зевакинском могильнике основная часть «длинных» курганов расположена в двух обособленных группах, одна из которых вытянута под углом к линии меридиана². В памятниках, исследованных на р. Алей, значительная группа «длинных» курганов встроена в срединные части могильных «цепочек» (Гилево VII, кург. 4; Гилево XIII, кург. 3, 4, 15). Курган 3 могильника Карболиха II, где в двух южных пристройках отсутствуют следы захоронений, занимает северное и вместе с тем промежуточное положение относительно одной из конструкций, значительно смещенной в сторону от осевой линии погребальной цепочки [Могильников, 2002, с. 21, рис. 35; с. 35, рис. 96, 2; с. 47; рис. 135, 140].

«Длинный» курган могильника Меновное VII содержал четыре захоронения, ориентированные головами в восточном направлении. Судя по обнаруженным останкам собаки, лошадей и вещевому инвентарю, в могилах были погребены представители мужской части древнего коллектива: в основной ограде находились взрослый мужчина и ребенок, в пристройках — молодой мужчина и подросток. Захоронение последнего было отмечено массивной окатанной глыбой, размещенной на перекрытии могилы. Наличие астрагала свидетельствует о принадлежности и ребенка к мужскому полу. О высоком социальном статусе погребенных мужчин свидетельствует их размещение в могилах с подбоем в северной стенке, закрытых вертикально установленными каменными плитами, а также многослойное каменное перекрытие на уровне материка. Могила подростка имела дополнительный приступок вдоль северной стенки ямы, на котором, как и на дне входных шахт, были размещены лошади, уложенные на правый бок и ориентированные головами на восток.

Судя по другим могильникам, количество погребенных в «длинных» курганах значительно варьируется — от 2–3 до 8–11 [Арсланова, 1987, с. 51; Трифонов, 1987, с. 156–167, рис. 82; с. 226, рис. 110; Могильников, 2002, с. 74]. Характерной особенностью данных курганов является достаточно частое захоронение детей, сопровождающих взрослых, в отдельных могилах при практически полном их отсутствии в индивидуальных круглых курганах, несмотря на половую принадлежность погребенных в них людей. Это еще раз подчеркивает семейную близость погребенных взрослых и детей. По мнению Ф.Х. Арслановой, объединение «длинных» курганов Зевакинского могильника сопоставимо с родовым аулом, при этом отдельно взятый «длинный» курган является местом захоронения патриархальной семьи. Исходя из этнографических данных о разделении жилища скотоводов — юрты на две части, мужскую (левую) и женскую (правую), можно предположить, что данный принцип находит отражение и в размещении умерших в «длинном» кургане. Мужчины-воины, соотносимые с главами семей, помещались в центральные, наиболее крупные ограды, в северных пристройках — справа от мужчины — погребали женщин и девочек, в южных — мужчин, юношей и подростков [Арсланова, 1985, с. 21–22]. Аналогичное размещение умерших наблюдается и в отдельных сооружениях Гилевского микрорайона [Могильников, 2002, с. 74].

Соглашаясь с идеей о существовании в кимако-кипчакском обществе сложной патриархальной семьи, нельзя не обратить внимания на ряд вопросов. Почему не все курганы «длинные»? Для кого сооружали многочисленные индивидуальные поминальные конструкции, содержащие погребения как мужчин, так и женщин? Где кочевники хоронили основную массу умерших детей? Например, по данным Зевакинского могильника погребения детей и подростков составляют только 20,9 % от общего количества погребенных в «длинных» курганах [Арсланова, 1987, с. 54]. Тем более что лишь незначительная часть «длинных» курганов содержат захоронения женщин и девочек.

² Между текстом и планом имеются расхождения в ориентации комплекса: в тексте указано — с СЗ на ЮВ, на чертеже — с СВ на ЮЗ [Арсланова, 2013, с. 299, рис. 1].

«Длинный» курган могильника Меновное VI

Можно предположить, что «длинные» курганы типа Меновное VI, содержащие захоронения мужчин, отражают, с одной стороны, наличие патриархально-семейных связей внутри родоплеменных коллективов, с другой — формирующиеся патриархально-феодальные отношения в условиях сложения кимако-кипчакского кочевого протогосударства. Разнообразные по полу и возрасту захоронения в «длинных» курганах, скорее всего, характеризуют разные уровни власти внутри родоплеменных коллективов. Совместные захоронения под одной насыпью только мужчин отражают процесс формирования патриархально-феодальной знати и определенную преемственность в наследовании власти в возникающих патриархально-феодальных структурах, тем более что при кочевом образе жизни род продолжает оставаться экономической основой общества [Марков, 1980, с. 21].

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400147-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арсланова Ф.Х. Отражение мировоззрения и общественных отношений кимаков в погребальных памятниках // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: ТГУ, 1985. С. 21–24.

Арсланова Ф.Х. Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири: (История и археология). Омск: ОмГУ, 1987. С. 50–69.

Арсланова Ф.Х. Воинские захоронения кимаков в Зевакинском могильнике // Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: МОН РК: Филиал ИА им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 28–92.

Арсланова Ф.Х., Ермолаева А.С. Памятники кимаков левобережья Иртыша // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1984. С. 141–145.

Гаерилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. № 32. 257 с.

Кумекоев Б.Е. Государство кимаков в IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.

Марков Г.Е. Социальная структура и организация древних и средневековых кочевников // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 21–29.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Плетнева С.А. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62. С. 151–226.

Плетнева С.А. Печенеги и гузы на нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи. М.: ИА РАН, 1990а. 102 с.

Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990б. 208 с.

Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 146–162.

Суворова Г.И., Ткачев А.А. Кимакские погребения могильника Ахмирово I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 253–266.

Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 115–246.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 136–145.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 267 с.

A.A. Tkachev

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: sever626@mail.ru

«Long» barrow in the Menovnoe VI burial ground

The pre-Mongolian time materials in the territory of the Irtysh River basin in Kazakhstan are associated with the functioning of the Kimak-Kipchak proto-state federation that existed in the end of the 1st — beginning of the 2nd mil. AD. Due to the nomadic lifestyle of these ethnic groups, the sites are represented by barrow cemeteries, the majority of which consists of «chains» of individual burial structures aligned in meridian direction. The most interesting funerary objects are the «long» mounds, usually ending the system of memorial structures in the northern or southern sector of the burial ground. Particular features of these objects include the presence of several attached enclosures under a common mound, which developed in the meridian direction, as well as the burial of children and adolescents, virtually unknown from individual Kimak-Kipchak mounds. Here, we analyse the materials of the «long» barrow of the Menovnoye VI burial ground, located in the Upper Irtysh region 1.5 km southeast from the village of Menovnoye, Tavrichesky District, East Kazakhstan Oblast. Under the kurgan mound, there was an enclosure with two extensions containing burials of two men, a teenager, and a child. The buried were laid stretched

on their backs, with their heads towards the east. The remains of men and the teenager were accompanied by horses, and those of the child — with sheep bones. An adult man, buried within the central enclosure, apart from horse, was accompanied for his afterlife by a dog. The grave goods discovered with the buried represent weaponry items, military and horse equipment. The weaponry included fragments of a sword, a bone grip, arrowheads, combat and household knives. Horse harness items included stirrups and a bit made of iron, a bronze figured buckle with flexible iron prong. The child was accompanied by a bronze teardrop-shaped amulet pendant and a small cattle astragalus used for playing dice. The number of «long» mounds in the cemetery ranges from one or two to three or four. The number of individuals in them varies from 2–3 to 8–11, which emphasizes the familial proximity of adults and children buried together. The «long» barrows of the «Menovnoye VI type», which contained burials of male members of the society, reflected the presence of patriarchal family ties within the tribal communities on the one hand, and formation of patriarchal-feudal relations in the context of development of the Kimak-Kipchak nomadic proto-state on the other.

Key words: Kazakhstan basin of the Irtysh River, Middle Ages, Kipchaks, «long» mound, funeral rites, clothing inventory.

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2.

REFERENCES

- Arslanova F.Kh. (1985). Reflection of the Kimaki worldview and public relations in funerary monuments. In: *Mirovozzrenie narodov Zapadnoi Sibiri po arkheologicheskim i etnograficheskim dannym*. Tomsk, 21–24. (Rus.).
- Arslanova F.Kh. (1987). Long mounds of Irtysh. In: *Istochniki po istorii Zapadnoi Sibiri: (Istoriia i arkheologiya)*. Omsk, 50–69. (Rus.).
- Arslanova F.Kh. (2013). Kimaki military graves in the Zevakino burial ground. In: *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ia*. Astana: MON RK: Filial IA im. A.Kh. Margulana, 28–92. (Rus.).
- Arslanova F.Kh., Ermolaeva A.S. (1984). Monuments of Kimaks on the left bank of the Irtysh. In: *Etnicheskaia istoriia tiurkoiazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Omsk, 141–145. (Rus.).
- Gavrilova A.A. (1965). *Kudyrga burial ground as a source on the history of Altai tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov Iu.S. (1986). *Armament of the medieval nomads of South Siberia and Central Asia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kolchin B.A. (1953). Ferrous metallurgy and metalworking in Ancient Russia. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (32). (Rus.).
- Kumekov B.E. (1972). *Kimaks state in IX–XI centuries according to Arabian sources*. Alma-Ata: Nauka, (Rus.).
- Markov G.E. (1980). The social structure and organization of ancient and medieval nomads. In: *Skifosibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo*. Kemerovo, 21–29. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (2002). *Nomad of the northwestern foothills of Altai in the IX–XI centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Pletneva S.A. (1958). Pechenegs, Turks and Polovtsy in the South Russian steppes. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (62), 151–226. (Rus.).
- Pletneva S.A. (1990a). *Pechenegs and goose in the Lower Don (based on materials from a nomadic burial site near Sarkel)*. Moscow. (Rus.).
- Pletneva S.A. (1990b). Polovtsy. Mjscow: Nauka. (Rus.).
- Savinov D.G. (1981). New materials on the history of compound onions and some issues of its evolution in South Siberia. In: *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: Nauka, 146–162. (Rus.).
- Suvorova G.I., Tkachev A.A. (1995). Kimak burials of the cemetery Akhmirovo I. In: *Voennoe delo i srednevekovaiia arkheologiya Tsentral'noi Azii*. Kemerovo, 253–266. (Rus.).
- Trifonov Iu.I. (1987). Monuments of medieval nomads. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopeniia Shul'binskoi GES*. Alma-Ata: Nauka, 115–246. (Rus.).
- Tkachev A.A., Tkacheva N.A. (1999). The results of the study of archaeological sites of the Ust-Kamenogorsk micro district (1994–1998). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 136–145. (Rus.).

Ткачев А.А., <https://orcid.org/0000-0002-4072-2724>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 07.09.2020

Article is published: 27.11.2020